

Хотелось бы приурочить наше интервью отчасти к окончанию учебного года и новому набору в Екатеринодарской духовной семинарии, а отчасти связать его с проблемами образования и воспитания в целом. Замечаете ли Вы какую-то новую тенденцию в последних выпусках семинаристов, их отличие от предыдущих?

— То, что мы с вами ныне наблюдаем во всех учебных заведениях, есть общая для всей страны тенденция. В данном случае я бы даже не разделял светские и духовные образовательные учреждения, потому что люди поступают в семинарию не из каких-то особых мест: все они воспитанники светской школы — городской, чуть реже станичной, и несут на себе печать современного образования. А печать эта такова: она бледная, неубедительная и с общим — неуклонно падающим — уровнем знаний. Вот эту тенденцию все сейчас констатируют...

Многие вспоминают о традициях советской школы. О том ядре, стандарте, который присутствовал в ушедшей системе образования. Сейчас, конечно, об этом говорить не приходится. Провалы в знании русского языка, истории (и не говорю о точных науках) — вот тенденция нашего времени. К сожалению, и поступающие, и — в меньшей степени — наши выпускники тоже не без изъяна.

В процессе духовного обучения Вы пользуетесь традиционными методиками, проверенными веками, или же в воспитании нового поколения семинаристов требуются другие решения?

— Нам, к сожалению, неизвестны методики дореволюционной России. Традиция была прервана, причем ее буквально вырезали у

всего народа. Мы сейчас пытаемся нащупать то, что является объективным, верным, полезным. Соответственно, и духовные школы в нашей стране находятся в процессе реформирования, который начался с 2000-х годов и не скажу, что завершился.

С одной стороны, это безусловный плюс, потому что мы все-таки пытаемся подстроиться под нормы, которые господствуют в современном обществе. Но в полной мере совместить стандарты духовные и светские, наверное, мало кому в нашей Церкви удавалось.

С 2006 года мы учимся педагогике и общению со студентами. Когда я еще был начинающим священнослужителем и общался с преподавателем духовной семинарии, он мне говорил, что педагог может стать хорошим только через пять лет после того, как проверит себя: сам подготовит курс лекций, апробирует и в процессе преподавания исправит свои недостатки. У нас уже больше десяти лет стажа — мы, конечно, что-то для себя открыли и приобрели небольшой опыт.

Но еще раз: во-первых, беда, что дореволюционная школа традиций, культуры, духа нам неведома; мы дети современной жизни. Я сам из советского общества вышел. Какая методика мне известна? Никакая. И моим собратьям-священникам, выпускникам уже постсоветской России, известно лишь то, что они восприняли, обучаясь в современных духовных семинариях и академиях. Так что мы вместе учимся, решаем и думаем. В этом смысле у нас коллектив единомышленников. Пытаемся выработать новые подходы. Новые, потому что семинарист 2019 года отличается от студента 2009 года.

Хотелось бы отметить, что современный священник должен быть готов к диалогу и обладать необходимым уровнем для того, чтобы его вести. Вот это самая главная сейчас проблема. Он может быть хорошим тружеником, хорошим службистом, но при этом не обладать навыком общения с людьми. Поэтому сейчас мы уделяем большое внимание педагогической практике, в частности, выступлениям в учебных заведениях, с которыми сотрудничаем. Чрезвычайно важно, чтобы они научились говорить понятным языком и говорить о самом высоком.

Если до XX века было достаточно, что человек служит, его ценили за молитвенный дух, то сейчас этого мало. Сегодня от священника требуется большее: сохраняя молитвенный дух, быть при этом открытым для общения, проповеди, настоящей жертвенной работы. И в этом главная задача по воспитанию нашего студента.

— Не одно столетие в нашем Отечестве остается проблемной, спорной тема качественного образования. Многие русские философы, писатели посвящали этому целые труды. Например, Иван Кириеевский и Алексей Хомяков обращали внимание на односторонность и неполноценность бездуховного образования. Согласны ли Вы с этим мнением? Какой совет Вы бы дали студентам светских вузов, пока они в процессе обучения, усвоения знаний?

— Дело в том, что тогда еще присутствовало духовное образование в светских учреждениях, однако все равно мыслители отмечали односторонность и неполноценность. То есть вопрос стоял и в царской России, даже с теми

методиками, что были в семинариях. Люди за деревьями леса не увидели, и благословенный XIX век стал временем, благодаря которому мы имеем революцию.

Наша самая главная проблема в том, что человек не имеет полноценной картины мира. А без целостного мировоззрения мы начинаем откликаться на частности и второстепенное, забываем, что поиск Царства Божия — основная задача нашей жизни и образования. Вся жизнь должна быть школой познания Христа. А поприща — могут быть различными, это может быть любая деятельность, которая не приводит к увечьям и гибели других людей. Если на благо других, значит, Господь уже с тобой.

И вот здесь мне хотелось бы всем студентам пожелать терпения и сил; помнить, что самая главная наука — открыть Христа.

— А Ваши воспитанники справляются с этой задачей?

— Думаю, что лишь Бог может ответить на Ваш вопрос. Я же констатирую, что расписание у семинаристов очень напряженное, — даже у людей, пришедших в семинарию после вузов или армии, возникают сложности. Они практически круглосуточно находятся в закрытом учебном заведении, не имея свободного времени. Семинаристам дается только 2,5 часа — что это для современного человека?

Трудно все совместить: и учебу, и послушание, и какие-то другие сферы реализации. Занятия, молитва, богослужение в храме тоже занимают время. Когда человек постоянно занят, есть опасность, что он может потерять из вида главное, что у него появятся вопросы: где Бог? Где жизнь свободного духа? Где парение?

Как не потерять этот дух, это наслаждение? В каждом деле должна быть радость. Как вынести огромную нагрузку, которая сейчас падает на плечи ребят? А ведь они зачастую не имеют навыка нести груз.

В мире мы видим большое количество лентяев, существ мягкотелых, аморфных, переползающих из своего дома в университетскую аудиторию, потом опять расползающихся. Нужно, чтобы люди жили предприимчиво в сфере какого-то устройства жизни и так же предприимчиво относились к своему духовному строению — а это огромная работа. Но любой труд должен быть осмысленным

— *А что делает труд осмысленным?*

— Вся жизнь у нас посвящается и принадлежит Христу. Любой труд должен освещаться этим, и неважно, учится ли человек в семинарии, в университете, в техническом профессиональном училище. Верующий человек, понимая, что это ему приносит, испытывает радость.

Важно найти свое дело в жизни, чтобы душа пела; не обязательно это дело будет приносить миллиарды. Миф, что богатство семьи покупается жизнью детей, то есть чем меньше детей, тем человек богаче, а от этого — счастье, — вранье. Настоящее счастье не зависит от подобного. Нужно лишь найти песню своей жизни — чтобы утром хотелось бежать на работу, а вечером — вернуться домой к тому, кого я люблю, кому также посвящаю свой труд, это милость Бога по мне грешному.

Понятно, что прожить жизнь без страданий, боли, обид, предательства нельзя, но человек верующий, укрепленный, мужествен-

ный знает, как это воспринимать — преодолеть с Божьей помощью; он знает, что испытания неизбежны.

А потом ты оглянешься и поймешь, что жизнь прожил счастливо. Ты, может быть, и не плавал на яхте Абрамовича, не имел квартиры в Париже, не учился в Лондоне, не менял галстуки каждый день. Но жизнь оказалась радостной. Господь дал такое утешение, что среди кажущегося несчастья, отчего многие люди плачут и приходят в уныние, ты испытываешь радость. Вот это ощущение, что каждый день, каждое утро и вечер прошли не зря — балдеж.

— *Так сложилось и в Вашем случае?*

— Я же из советского времени — мама в храм не водила, поэтому в первый раз я попал в церковь где-то в 17 лет (у нас в этом возрасте товарищи уже в семинарию поступают, а я впервые в церковь пришел), и мне так хорошо стало! Ощущение с того дня: «Я бы и не уходил отсюда, мне хорошо» — у меня до сего дня, и я всем желаю это испытать.

— *Иван Ильин, еще один русский философ, в своих рассуждениях делал большой акцент на патриотической составляющей воспитания, то есть, по мнению мыслителя, вырастить человека с почвой под ногами, гражданина своей страны — это долг родителей и учителей. Какую роль Вы отводите патриотизму в воспитании семинаристов?*

— Специально мы об этом не говорим, но все пронизано любовью к Родине. Во-первых, если человек является членом Русской православной церкви, это уже неотъемлемо, так как самый главный патриот в нашей стране — это церковь.

Цитирую владыку, потому что люблю повторять изречения великого нашего святителя митрополита Московского Филарета: «Плохой гражданин отечества земного является плохим гражданином отечества небесного». А свое осознание причастности к той земле, на которой ты стоишь, которую нужно украсить, на которой ты должен оставить свой прекрасный след — это все освещается тем, что делается ради Бога. Твоя жизнь — и есть постоянная жертва ради кого-то. Твоя земля, люди — это все входит в понятие отечества. Естественно, человек верующий, а паче священник — истинный патриот.

Например, причастность семинаристов к общественным мероприятиям. Из последнего — наше участие в акции «Бессмертный полк». В этом году я был в городе и сам пошел, мы с ребятами буквально орали военные песни полтора часа хором в 40 глоток от начала до конца. Как люди благодарили нас! Я думаю, что и сами ребята радовались. Мне было очень приятно, что некоторые военные песни, которые я сам, может быть, не очень помню, ребята пели, не подглядывая в текст, и мелодию знали.

Специально говорить ребятам, чтобы любили Родину, нам не приходится. У нас это всасывается с первого дня, с любовью ко Христу.

— Какой тип людей лучше всего обучаем, по Вашему мнению? Зависит ли это от возраста семинариста или его социального положения?

— Я мечтаю, чтобы наступило время, когда в семинарию люди будут приходить после окончания вуза, минимально — получив сред-

нее специальное образование. Самый обучаемый человек, как мне кажется, это тот, кто окончил университет.

Конечно, и для меня как преподавателя это было бы предпочтительней, так как люди уже способны к аналитической работе, легче усваивают информацию, имеют опыт семинарской работы, подготовки докладов, выступлений... Все это облегчает работу, с ними можно говорить о каких-то серьезных вещах.

Поэтому мне хотелось бы, чтобы приходили люди, которые имеют профильное образование, опыт жизни, навыки, пусть даже ремесленные. Это все закладывается в фундамент для строительства фигуры священника. Когда человек приходит к нам после вуза, но уже со свободным желанием идти к Христу, не потеряв при этом желания учиться, — это очень ценно. ■